

**ТЮРКСКИЕ ТЕРМИНЫ РОДСТВА
В ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ
ПАМЯТНИКАХ (до 1480 г.)**

Номенклатура родства является одной из наиболее интимных групп лексики любого языка. Ее (точнее, названия наиболее близких родственников) включают в списки основного словаря в глоттохронологических исследованиях, она в одной из наименьших степеней подвергается влиянию со стороны других языков. Тем значимее наличие иноязычных ТР в определенном языке, поскольку указывает на существование тесных (часто непосредственных) семейно-брачных контактов между различными народами — носителями соответствующих языков. Присутствие заимствованной ТР является, на наш взгляд, индикатором участия в этногенезе определенного иноэтнического компонента [Шабашов 1995; 1998; 2002; 2006]. Причем если имеются заимствованные ТР, то это свидетельствует о присутствии в составе этноса иноэтнического субстрата, а если заимствованы термины свойства, то они указывают на брачные контакты между этносами [Шабашов 1995; 2002].

Как известно, тюркские народы (гунны, тюрко-болгары, авары, хазары, печенеги, торки, черные клобуки, половцы, золотоордынцы) на протяжении многих столетий были непосредственными соседями восточных славян и состояли с ними в разнообразных контактах, что отразилось и в восточнославянских языках. Изучению тюркских заимствований в древнетюркском языке посвящена многочисленная и содержательная литература [Корш 1903; Мелиоранский 1905; Zajączkowski 1949; Дмитриев 1958; Аракин 1973; 1974; Менгес 1979; Баскаков 1985; и мн. др.], но проблема до сих пор остается недостаточно изученной, хотя и регулярно становится предметом оживленных дискуссий. В частности, вызывает большой интерес вопрос о существовании тюркских заимствований в древнерусском языке. А если таковые имеются — то в какой степени и для описания каких конкретных отношений родства. Вместе с тем, за небольшим исключением, для территории Восточной Европы мы не имеем письменных источников собственно тюркского происхождения. Поэтому изучение тюркских за-

имствований в письменных памятниках славян, византийцев, венгров, арабов и др. — важнейший, а иногда и единственный способ, с помощью которого можно реконструировать язык и соответствующие стороны культуры средневековых кочевников южнорусских степей.

Для решения поставленной задачи — выявления тюркских ТР, имеющих в древнерусском языке, — нами были проанализированы основные памятники этого языка до 1480 г. Эта дата открывает новый этап в восточнославянско-тюркских отношениях. Освобождение от золотоордынского владычества открывает эпоху обратной экспансии славян на восток и юг, и изменившиеся отношения между этими суперэтнотами требуют отдельного изучения.

В результате проведенного исследования выявлено, что тюркские ТР представлены в древнерусском языке в следующих типах заимствований:

- 1) личные имена (ЛИ) тюрков, восходящие к ТР;
- 2) составные части многокомпонентных тюркских ЛИ;
- 3) титулы, также употребляющиеся с ЛИ, но основное значение которых — ТР;
- 4) социальные понятия, восходящие к ТР;
- 5) в значении этнонимов;
- 6) непосредственные заимствования.

1. К первой группе относим антропонимы *Балай*, *Болюй*, *Мамай* и *Улан*.

Балай — ЛИ золотоордынского военачальника (богатыря), которого вместе с Манманом Батый отрядил против Данила Галицкого: «**В**ряди есть на **т**а два богатыр**а** возискати тебе Манъмана и Бала», — устами половецкого воина на службе у князя сообщает Ипатьевская летопись (ИЛ) под 1243 [6751] г. Имя восходит к общ.-тюрк. ТР *bala* — ‘дитя, ребенок, внук’ [Севортян 1978: 47–49], *-j* — звательный аффикс. Интересно в этой связи, что в ряде тюркских языков основная форма ТР совпадает со звательной, особенно это характерно для башкирского языка: *äsäj* < *äsä* — ‘мать’, *ataj* < *ata* — ‘отец’, *inäj* < *inä* — ‘старшая женщина’ [Миржанов 1973: 99–109]. Именно в такой форме (*балай*) ТР со значением ‘сын’ зафиксирован в кар.-балк. [Севортян 1978: 48]. К этому же ТР восходит распространенная осетинская фамилия *Балаев* (из кар.-балк.?).

Болюй — ЛИ одного из золотоордынцев, посланных Бурундаем с Васильком Галицким в Холм: и посла с Василкомъ три Татарин**ѣ** именовъ Коуичи**а** Ашика Болю**а** и к томуу толмача розоум**ѣ**юща Роу-

скии *газь* (ИЛ: 1261 [6769] г.). Вероятно, из общ.-тюрк. и общ.-монг. *bölö* (с фонетическими вариантами). Учитывая этимологию (от глагольной основы *böl-* — ‘отделять, разделять’), первичным значением следует считать ‘ребенок сестры матери (обоих полов), сын и дочь сестры матери’, другими словами, ‘дети двух сестер между собой’, т.е. относительно близкие родственники (матрилатеральные ортокузены), разделенные по двум неродственным родам. Между прочим, согласно тюркскому брачному праву, они могли жениться друг на друге. Впрочем, в разных тюркских и особенно монгольских языках (а рассматриваемое слово, возможно, именно монгольское, учитывая вероятную монгольскую принадлежность «человека» монгольского полководца Бурундая) этот ТР приобрел весьма разнообразные значения [Шабашов 2005: 75–77; Бурькин 2001: 163–164]. Конечное *-й* в данном случае может быть как отражением тюрк. звательного аффикса, так и возникнуть на др.-рус. почве.

Мамай — ЛИ известного золотоордынского темника, узурпатора ханской власти: убиень бысть царь Кидырь от своего сына Темирь-Хожина а на 4 день сѣде на царствѣ и на 7 день царства его темникъ его Мамаи замыте всѣмъ царствомъ его (Софийская первая летопись старшего извода, 1361 [6869] г.). Имя неясного происхождения (в том числе и потому, что не ясно происхождение самого Мамаея), связь его с тюрк. *tama* ~ *tamaj* — ‘старший родственник, бабушка’ [Сравнительно-историческая 2001: 655–656] небесспорна, распространение же такого имени у тюркских, монгольских, кавказских и славянских народов может быть обязано известности этого ордынского правителя.

Улан — ЛИ отрока князя Давида Игоревича, охранявшего ослепленного князя Василька Ростиславовича: і приставиша. 30. муж стрѣщи. а. 2. втрока княжа. Оулана. и Колчю (ИЛ: 1097 [6605] г.). Из тюрк.-кыпч. (кар.-балк., кум., татар., башк., ног., каракалп., каз., кирг.) *ulan* — ‘ребенок, дитя; мальчик, парень; сын; молодой воин; царевич; слуга’ [Сравнительно-историческая 2001: 314]. Впоследствии распространилось в др.-рус. как заимствованный титул (см. ниже).

2. Ряд половецких ЛИ, вошедших в древнерусские летописи, в качестве второго составного компонента содержит лексику *ара* ~ *ора* ~ *оба* — ‘отец’, ‘дядя’ (?), ‘дед (по отцу)’, ‘старший брат’, ‘мать’, ‘старшая родственница (отца)’, ‘старшая сестра’, ‘тетя’ (?) [Севортян 1974: 54–58; Сравнительно-историческая 2001: 655]: *Аена* < *aj* — ‘месяц’, *аја* — ‘господин’ или *аји* — ‘медведь’ [Баскаков 1985: 80] + *ара* ~ *ора*, *Алтунопа* (*Алтунун*, *Олтунопа* — здесь и далее в скобках приводятся варианты написания имени, встречающиеся в летописях) < *altun* — ‘золото’ + *ора*, *Арсланона* (*Яросланона*) < *arslan* — ‘лев’ + *ара* ~

ора, *Асун* (*Асуна*, *Асунь*) < *ajaz* [Баскаков 1985: 80] или *as* — ‘асы, название народа’ (в евразийских степях в Средневековье были известны два народа с таким названием: один — ираноязычный — предки современных осетин, другой — тюркский, центральноазиатского происхождения, связь между ними не прослеживается) + *ора*, *Бякоба* (*Бякуб*) < *bek* — ‘бек, князь’ + *оба*, *Китанона* < *kitan* — ‘китаи, кидани, название центральноазиатского монголоязычного народа, часть которого впоследствии переселилась на запад и тюркизировалась, отсюда рус. китайцы’ + *ора*, *Уруба* < ен., др.-уйг., крх.-уйг. *ury*, **uru* — ‘сын, мальчик, юноша’, ‘мужское потомство’ (с метафоризацией пожелания, чтобы родился сын), вероятно, связано с общ.-тюрк. *urug* — ‘род’ [Сравнительно-историческая 2001: 315] + *оба*, *Ченегрена* < *Čängär* ~ *Čingir* — ‘собственное мужское имя’ (без этимологии!) ~ *čoŋqyr* — ‘сокол’ [Баскаков 1985: 91] + *ара* ~ *ора*. Н.А. Баскаков одновременно предполагает, что эта лексема может восходить и к соответствующему ТР, и к тюрк. лексеме *оба* ~ *ова* ~ *ова* ~ *ора* — ‘род, племя’ [Баскаков 1985]. Последняя лексема также встречается в древнерусских летописях в качестве второго компонента в заимствованных названиях тюркских родов, фигурирующих в форме патронимических названий. Однако нам в результате проведенного специального анализа по фонетическим, контекстуальным и некоторым другим признакам, полагаем, удалось разграничить случаи, в которых речь идет о ТР, от случаев, в которых фигурирует родовое название [Шабашов 2010; 2011].

В имени *Уруба*, как видим, и в первой, и во второй составной части ЛИ содержится ТР.

Широкое распространение ТР *ана* у половцев является важным открытием. Действительно, во многих тюркских языках имеются генетически родственные между собой слова *ана* и *аба* (*ара* ~ *аба*) (с фонетическими вариантами), первоначально, вероятно, обозначавшие старшего бокового кровного родственника и мужского, и женского пола. Позднее эти ТР дифференцировались, и в большинстве языков *ара* стало обозначать старшую женскую родственницу, а *аба* — старшего мужского родственника. Правда, имеются и исключения, в некоторых языках лексема с глухой согласной обозначает мужского родственника: кар.-балк., тур. диал. *anna*, татар. диал. *әnnә* — ‘дед;

отец'. Таким образом, становится ясно, что у половцев южнорусских степей в XI–XIII вв. старший мужской родственник обозначался ТР *ара* ~ *ора*, который впоследствии у большинства их потомков заменился на звонкую параллель или другие термины (такие как *ауа*). Уже в «Кодексе Куманикус» (л. 97) идентичный (или близкий) по значению класс родства (старший мужской родственник) обозначен лексемой *abaga*.

Наконец, еще один ТР из этого класса родства представлен в ЛИ *Балтауглий* (*Балтаулий*) — начальника турецкого флота при осаде Константинополя: столу же морскому, Балтаулюю и Загану, обѣ стѣны отъ моря, яко да окружать весь градъ... (Никоновская летопись (НЛ), 1453 [6961] г.) < тюрк. *balta* — ‘топор’ [Этимологический 2003: 107–109] + *oγul* ~ *u:l* ~ *ul* — ‘сын’ [Севортян 1974: 411; Сравнительно-историческая 2001: 313–314], что является фонетическим вариантом *ulan* (см. выше — *Улан*). Конечное -у образует изафет. *Balta-oγuly* > *Balta-uly* ~ *Balta-uγly* — ‘сын Топора’ > *Балтауглий* ~ *Балтаулий*.

3. Титулы, употребляющиеся с ЛИ, но основное значение которых — ТР. К данной группе относим титулы, также употребляющиеся с ЛИ, но основное (первичное) значение которых — ТР: *Ази-Баба* (*Озибаба*), *Хазу-Баба* и *Малыбердеи* (*Малымбердхи*)-*улань*. *Баба* — из тюрк. *baba* — ‘отец; дед’ [Сравнительно-историческая 2001: 294–295, 305], но в данном случае речь, по-видимому, идет о вторичном значении — ‘старец, почтенный старик, уважаемый человек’ [Севортян 1978: 11]. О лексеме *улан* было сказано выше. Отметим, что в данном контексте: Того же лѣта, бывшу князю великому въ отчинѣ своей на Коломнѣ, и прииде къ нему вѣсть, что идутъ Татарове ис поля, Малыбердеи (Малымбердѣи) *улань* и иные съ нимъ князи съ многими Татары (Симоновская летопись, 1450 [6958] г.) речь идет не о ТР, а о титуле — ‘княжеский сын’ [Аракин 1973: 35–36].

4. Социальные понятия, восходящие к ТР. К этой категории относим одну лексему — *ватамань* (*ватаммань*, *вотамань*) — ‘атаман’. Этимология этой лексемы, впервые упомянутой в Новгородской грамоте за 1294 г.: Ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ Ондреи Критцкыи [Срезневский 1893: 231], является предметом дискуссий. И.И. Срезневский объясняет его из *атаман* [Срезневский 1893: 231–232], для которого, впрочем,

не имеется ранних свидетельств. Согласно старому мнению, эти слова, как и польск. *hetman*, восходят к нем. *Hauptmann*, раньше *heubtmann*. Однако это толкование, сопряженное с фонетическими трудностями, было отвергнуто [Фасмер, 1: 278]. По другой версии, слово восходит к тюрк. *odaman* — ‘старейшина пастухов или казачьего лагеря’, тур., крым.-татар. *oda* — ‘солдатская артель’, ‘отряд’, при этом ссылаются на протетическое *в-* в *ватага* [Фасмер, 1: 278] (ср. возражения В. Ягича [Фасмер, 1: 278]). При этом первичное значение *oda* — ‘комната’, ‘помещение’; отряд → группа солдат, проживающих в одном помещении. Протетическое *в-* наблюдается в некоторых тюрк. языках и диалектах, особенно это явление характерно для чувашского языка, например общ.-тюрк. *arman* = чув. *varman* — ‘лес’. Это заставляет предположить, что др.-рус. *ватаман*, *ватага* проникло из тюрк. диалектов Поволжья — предшественников чувашского языка. Гипотеза Н. Горяева, согласно которой *атаман* — из тюрк. *ata* — ‘отец’ и *toman* — ‘тьма; 10 000 войска’ [Горяев 1896: 438], встретила возражения [Преображенский 1910: 9; Дмитриев 1958: 17].

По нашему мнению, слово *атаман* могло быть образовано по той же модели, что и этноним *түркмен* ~ *туркмен* ~ *туркман* ~ *торкмен* — от основы — тюрк. ТР *ata* — ‘отец’ + перс. афф. уподобления *-mān/-men* (< перс. *manend* — ‘подобный’): *түркмен* — ‘подобный тюрку’; *атаман* — ‘подобный отцу’. Ср. с рус. *атаман разбойников* (группа преступников организуется по принципу псевдородства — ср.: рус. жаргонное *семейка* — группа заключенных, ведущих в местах лишения свободы совместное «хозяйство», члены этой группы защищают и всячески поддерживают друг друга, рус. жаргонное *жиган* — ‘ученик преступника’ из тюрк. *жиган* — ‘племянник’ и т. п.), рус. простор. *батя*, *батяня* — ‘командир, начальник солдат в армии’ от *батя* — ‘отец’. Правда, понятие лица, приравниваемого к отцу, в известных нам современных тюркских языках выражается другим аффиксом — *-лык*: *аталык* — ‘отчим’. Также возможно использование и увеличительного аффикса *-man* > *ataman* — ‘большой отец, наибольший’ [Дмитриев 1962: 523], но имеется тюрк. *büyük ata* и под. — ‘дед’, букв. ‘большой отец’, или этого же аффикса в значении имени деятеля [Севортян 1966: 198]. Это слово известно во многих тюркских языках, но, возможно,

что в них (или в некоторых из них?) оно — обратное русское заимствование [Севортян 1974: 202].

5. ТР скрываются в этнонимах тюркских народов *печенѣзи* и, возможно, *торки* (*торкы*, *търци*, *тороки*). Печенѣзи, греч. *пачинак* [*Πατζινάκος*, *Πατζινάκης*, *Πατζινάκιτης*], араб. *بجناق* *baġanāq*. Наиболее признанная этимология этнонима *печенег* возводит его к тюрк. ТР *baġanaq* (ġ — шумная, звонкая, переднеязычная аффриката) — ‘свояк, муж сестры жены’ [Севортян 1978: 24–25; Бурыкин 2001: 170], ‘мужья двух сестер между собой’, сохранившегося в этой форме и в ряде современных языков — турецком, гагаузском, болгарском. При этом неверно считается (основываясь на неточном переводе слова — ‘шурин, свояк’), что в имени *печенег* отразился тот факт, что они были когда-то привилегированной частью кочевого объединения огузов, среди аристократических родов печенегов якобы выбирались невесты для правивших династий огузов [Pritsak 1952: 52, 79; Щербак 1959: 369]. Ясно то, что *печенег* — не самоназвание народа, а имя, которое дано им их соседями (огузами? хазарами? булгарами?), состоявшими с ними в родственных связях через жен. Для появления этого этнонима был необходим и третий народ, у которого «брали» жен и печенеги, и те, кто дал им это наименование. Не аргументирована точка зрения, согласно которой этот этноним восходит к древнетюркскому личному имени *Веѣ* [Плетнева 1990: 9, 21].

Не вызывает сомнения, что древнерусский этноним *торки* восходит к названию знаменитого центральноазиатского народа — *türk*. Этимология этнонима *türk* не является общепризнанной. Наиболее, на наш взгляд, аргументированная гипотеза возводит к монг. *torgiid* — ‘родственники по матери или родственники жены’, ед. ч. *toerguen*, что, вероятно, связано с предписанными или распространенными брачными связями предков тюрков (в узком смысле) и монголов (ср. *печенези*). Другие гипотезы: слово *түрк* может также иметь приблизительное значение ‘достигший высшей точки подъема или развития, поднявшийся до своего зенита’; *түрк* < ‘шлем’; *түрк* < ‘творение, человек’; *түрк* < ‘мощь, сила’. Также связывается с *түр/мөр* — ‘передний угол, почетное место’, возможно связанное с *түр/мөр*, чув. *турă*, *түре* и др. — ‘бог’, ‘тотем’, в его вещественном отображении → ‘место идола’, ‘передний угол’ [Владимирцов 1934:

48] (обзор гипотез см.: [Кононов 1949: 40–47; Фасмер, 4: 83–84; Баскаков 1985: 59–60]. От этнонима *торк* образовалась масса производных топонимов, антропонимов и, возможно, этнонимов, попавших в др.-рус.: *Торчев*, *Торческ* (*Торочьский*, *Торьчьский град*, *Торьской*), *Торьцький* (*Торцеск*), *Торчинь*, *Туркинь*, *торкмене* [Баскаков 1985: 60], *турпеи* [Баскаков 1985: 60–61].

6. Наконец, еще четыре слова являются непосредственными заимствованиями терминов родства: *катун(ь)*, *кума*, *хоть* (*хотя?*), *чага*.

Катун(ь) — ‘жена’, впервые упоминается в «Задонщине», которая ориентировочно датируется концом XV в. Мамай, терпящий поражение в Куликовской битве от русских, восклицает: Уже нам, брате, в земли своей не бывати и дѣтей своих не видати, а катунь своих не трепати [Задонщина 1982: 12]. Слово известно из древнетюркских языков и зафиксировано в орхонских и енисейских памятниках (надпись в честь Тоньюкука (VIII в.), на камнях из бассейна р. Талас (V–VI вв.), две енисейские надписи с рек Уюк-Туран и Улуг-Кем) [Аракин 1973: 30]. Форма, в которой это слово вошло в древнерусский, показывает, что оно могло быть заимствовано практически из любого тюркского языка того времени, поскольку оно везде в звуковом отношении было идентичным, но, скорее всего, — из кыпчакского, поскольку именно носители этого языка в то время соседствовали с русскими [Аракин 1973: 31].

Кума — ‘кума’. Впервые упоминается в 1054 г. («Церковный устав великого князя Ярослава»): Иже коумь с коумою блодь створить, епп-оу гривна злата, а прочее во шпитеми; в другом памятнике XII в. (Апокрифы. Хожение Богородицы по мукам) это слово фигурирует в следующем контексте: ти вѣрують въ дѣмоны и отвергошася бога и святаго крещения, и еже блудь створиша по святомь крещении, и съ кумы... своими и съ матерьми своими и со щерьми своими [Срезневский 1893: 1361–1362]. Обычная этимология, которая объясняет слово из сокращенной формы от **k̄motra* из лат. *Commater*, неудовлетворительна, в том числе из-за вокализма у : ъ. В связи с этим возникла гипотеза о контаминации с тюрк. *قوما قوما* *kūma* [*qūtā*, *qmā*] — ‘наложница’, ‘младшая жена’, ‘жены одного человека по отношению друг к другу’, ‘девушка, невольница, служанка’ (в значении ‘со-жена’ встречается уже у арабского автора XIV в. Абу-Хайяна) [Мелиоранский 1905: 121–122], однако и эта гипотеза подвергнута критике из-за семантической сложности и маловероятности происхождения *кум* из *кума* [Фасмер, 2: 414]. В этой связи заслуживает внимания факт наличия половых табуаций в отношениях между кумой и кумом у украинцев (как и у древних славян, что видно из приведенных выше отрывков), половые связи между которыми церковными установлениями категорически запрещены, выраженные, в частности, в поговорке: «Яка

ж то кума, що під кумом не була» — «Какая же это кума, которая под кумом не была (не вступала в половые отношения с кумом)».

Хоть (хотя?) упоминается в «Слове о полку Игореве» — ‘жена, супруга, любимая’: Рець Боянь и ходы на Святъславля пѣстворца стараво времени Ярославля Ольгова когана хоти. Если с формальной точки зрения нет серьезных сомнений в отношении происхождения этого слова от слав. корня **xot-* / **xьt-* — ‘желать, хотеть’, то все же не ясно, как и когда возникло это особое вторичное значение ‘жена, супруга, любимая’. К. Менгес предполагает такое семантическое развитие как результат контаминации славянского этимона с тюркским или монгольским *qatun* ~ *xatun* — ‘женщина, жена, дама’ (см. выше), употребляемого у многих алтаеязычных народов для выражения уважения, а у некоторых древних алтаеязычных народов этим словом обозначали только первую жену кагана, т.е. императрицу [Менгес 1979: 167–168].

Чага — ‘девушка-пленница, девушка-рабыня’ (ИЛ, 1170 [6678] г.): и толико вѣша полона множество. ꙗкоже всимъ. Рускимъ воемъ наполнитисѧ до изовбилюѧ. и колодникъ и чагами и дѣтми ихъ и челѧдью и в «Слове о полку Игореве»: Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кошей по резанѣ. Из тюрк. *çaya* (ст.-осм., чаг, тур. диал.) ‘дитя’, ‘детеныш животного, особенно цыпленок’, уйг. *bala-çaya* тж, кирг. тж. [Мелиоранский 1902: 295–296; Менгес 1979: 170; Фасмер, 4: 309–310; Баскаков 1985: 157].

Подводя итоги, можно сказать, что разнообразные взаимоотношения тюркских кочевников южнорусских степей с древнерусскими княжествами до 1480 г. привели к разнообразным же путям проникновения и формам бытования тюркских ТР в древнерусском языке. Вместе с тем группа непосредственных заимствований невелика, даже с учетом этимологически спорных слов. Интересно, что все они — названия женщин половозрелого возраста. Конечно, необходимо делать коррекцию на то, что книжный древнерусский язык значительно отличался от народного, разговорного его варианта, в котором могло быть значительно больше тюркизмов, тем не менее, можно сделать вывод о незначительном влиянии тюркской номенклатуры родства на восточнославянских соседей. На наш взгляд, это объясняется принципиальными различиями социально-родственной организации тюркских кочевников, прочно сохранявших родовые институты и специфические формы брачно-семейных отношений, и оседлых земледельцев. Биологические контакты между характеризуемыми общностями концентрировались вокруг женщин-невольниц, которых в немалом количестве, как видим по ТР, захватывали не только тюрки у славян, но и наоборот.

Аракин 1973 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в русских повестях и сказаниях XIII–XIV вв. // СТ. 1973. № 3. С. 28–37.

Аракин 1974 — *Аракин В.Д.* Тюркские лексические элементы в памятниках монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М., 1974. С. 112–148.

Баскаков 1985 — *Баскаков Н.А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.

Бурькин 2001 — *Бурькин А.А.* Проблемы семантической реконструкции терминов родства в алтайских языках и перспективы реконструкции общеалтайской системы терминов родства // АР-7.

Владимирцов 1934 — *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм). Л., 1934.

Горяев 1896 — *Горяев Н.* Сравнительный этимологический словарь русского языка. 2-е изд. Тифлис, 1896.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н.К.* О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. М., 1958. Вып. 3.

Дмитриев 1962 — *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. М., 1962.

Задонщина 1982 — *Задонщина* // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Кононов 1949 — *Кононов А.Н.* Опыт анализа термина *türk* // СЭ. 1949. № 1.

Корш 1903 — *Корш Ф.Е.* Турецкие элементы в «Слове о полку Игореве» // ИОРЯС АН. СПб., 1903. Т. 8. Кн. 4.

Мелиоранский 1902 — *Мелиоранский П.М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС АН. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 2.

Мелиоранский 1905 — *Мелиоранский П.М.* Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского времени // ИОРЯС АН. СПб., 1905. Т. 10. Кн. 4.

Менгес 1979 — *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.

Миржанов 1973 — *Миржанов С.Ф.* Терминология родства в диалектах башкирского языка // СТ. 1973. № 4.

Плетнева 1990 — *Плетнева С.А.* Половцы. М., 1990.

Преображенский 1910 — *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М., 1910. Т. 1.

Севортян 1966 — *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966.

Севортян 1974 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Севортян 1978 — *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.

Сравнительно-историческая 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.

Срезневский 1893 — *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1.

Фасмер 1986–1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. 1–4.

Шабашов 1995 — *Шабашов А.В.* Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины) // ЭО. 1995. № 3. С. 84–92.

Шабашов 1998 — *Шабашов А.В.* Система родства албанцев. 2. Система родства албанцев Украины // Записки исторического факультета. Одесса, 1998. Вып. 7.

Шабашов 2002 — *Шабашов А.В.* Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002.

Шабашов 2005 — *Шабашов А.В.* Мир родства древних тюрков // Науковий вісник Миколаївського державного університету. Вип. 11. Історичні науки. Збірник наукових праць. Миколаїв, 2005.

Шабашов 2006 — *Шабашов А.В.* Система терминов родства и проблема происхождения крымскотатарского народа // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре: материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18–21 сентября 2006 г.). Киев; Судак, 2006. Т. 2.

Шабашов 2010 — *Шабашов А.В.* Личные имена и родовые названия половцев в древнерусских письменных памятниках. К проблеме разграничения // Сугдейский сборник. Керчь; Судак, 2010. Вып. 4.

Шабашов 2011 — *Шабашов А.В.* Половці і Давня Русь: 1. Особисті імена і родові назви половців на сторінках давньоруських літописів // Записки історичного факультету. 2011. Вип. 21.

Щербак 1959 — *Щербак А.М.* Знаки на керамике и кирпичах из Саркела — Белой Вежи. (К вопросу о языке и письменности печенегов) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1959. № 75.

Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.

Pritsak 1952 — *Pritsak O.P.* Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Voelker // Ural-Altische Jahrbücher. XXIV. 1–2. Wiesbaden, 1952.

Zajączkowski 1949 — *Zajączkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. Wrocław, 1949.